

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.010)

Оригинальная статья / Original paper

В.К. Азаревич

Независимый исследователь, г. Владивосток, Российская Федерация

E-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Служба и люди Владивостокского охранного отделения в 1913–1914 гг.

Аннотация

Исследование посвящено региональным особенностям политического сыска в Российской империи на примере Владивостокского охранного отделения, избежавшего ликвидации в ходе реформы политической полиции В.Ф. Джунковского в 1913–1914 гг. Пример этого отделения можно использовать в качестве так называемого «исключительного нормально-го», на примере которого видны как общеимперские, так и сугубо региональные черты рассматриваемого явления. Исследование сочетает изучение организации деятельности Владивостокского охранного отделения как органа государственной власти вместе с рассмотрением биографий офицеров Отдельного корпуса жандармов, проходивших в нем службу. Такое сочетание двух факторов позволяет реконструировать повседневную работу политического сыска и оценить степень эффективности его работы. На протяжении 1913–1914 гг. в Приамурском генерал-губернаторстве офицерами и сотрудниками владивостокской охраны поддерживался высокий уровень работы политической полиции, результатом которой был низкий уровень активности революционного движения. Такой результативности сыскной службы удалось добиться за счет постоянной агентурной работы, которая велась не только во Владивостоке и других городах генерал-губернаторства, но и в ближайших зарубежных городах с крупными русскими диаспорами (Нагасаки, Шанхай). Огромную роль

в этом сыграл профессионализм сотрудников отделения, среди которых были опытные офицеры, имевшие опыт службы в политическом сыске, и молодые жандармы, желавшие служить в розыскных органах. Несмотря на бюрократические противоречия и кадровые проблемы деятельность Владивостокского охранного отделения была эффективна, отображая основные аспекты деятельности общеимперского политического сыска.

Ключевые слова:

Владивостокское охранное отделение; Отдельный корпус жандармов; Департамент полиции; Приамурское генерал-губернаторство; Приморская область; политический сыск; В.Ф. Джунковский

Для цитирования:

Азаревич В.К. Служба и люди Владивостокского охранного отделения в 1913–1914 гг. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 266–297. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.010)

Vasily K. Azarevich

Independent researcher, Vladivostok, Russian Federation
E-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Service and Personnel of the Vladivostok Security Section, 1913–1914

Abstract

This article examines the regional characteristics of political surveillance in the Russian Empire through the example of the Vladivostok Security Section, which escaped abolition during the 1913–1914 reform of the political police initiated by Vladimir F. Dzhunkovsky. The Vladivostok Security Section represents what may be termed an «exceptional normal case,» illustrating both

the empire-wide features and the distinctive regional characteristics of the imperial political police. The study combines an analysis of the organizational structure and operations of the Vladivostok Security Section as a state institution with a prosopographical examination of the officers of the Separate Corps of Gendarmes who served there. This combined approach makes it possible to reconstruct the day-to-day functioning of the political police and to assess the effectiveness of its operations. Throughout 1913–1914, officers and personnel of the Vladivostok Security Section maintained a high standard of political policing within the Priamur Governor-Generalship, contributing to the relatively low level of revolutionary activity in the region. This effectiveness was achieved through an extensive network of informants operating not only in Vladivostok and other cities of the governor-generalship but also in nearby foreign cities with substantial Russian émigré communities, including Nagasaki and Shanghai. The professionalism of the Section's personnel played a decisive role in this success. Its staff included experienced officers with prior service in political investigations as well as younger gendarmes eager to pursue careers in investigative work. Despite bureaucratic tensions and personnel shortages, the Vladivostok Security Section operated effectively, exemplifying the principal features of political surveillance throughout the Russian Empire.

Keywords:

Vladivostok Security Section; Separate Corps of Gendarmes; Police Department; Priamur Governor-Generalship; Primorsk Oblast/Primorye; political surveillance; V.F. Dzhunkovsky

For citation:

Vasily K. Azarevich. Service and Personnel of the Vladivostok Security Section, 1913–1914. *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 59. P. 266–297. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.010)

генерал-майор Владимир Федорович Джунковский был назначен на должность товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, и командира Отдельного корпуса жандармов 23 января 1913 г. С его именем связана одна из самых масштабных реформ в истории дореволюционного политического сыска. С 15 мая 1913 г. по 19 июля 1914 г. были ликвидированы все ох-

ранные и районные охранные отделения¹, офицеры и сотрудники которых были включены в личный состав местных губернских жандармских управлений². Ликвидации избежали лишь три столичных охранных отделения — Варшавское, Московское и Санкт-Петербургское, поскольку они были созданы законодательно, а не распоряжениями МВД³. Из региональных охранных отделений ликвидации избежали Туркестанское районное охранное отделение и Владивостокское охранное отделение. Оба эти отделения были сохранены по одной причине: ни в Туркестанском, ни в Приамурском генерал-губернаторствах не существовало губернских жандармских управлений, которым можно было передать их функции; также сохранение Туркестанского РОО оправдывалось наличием в регионе развитого панисламистского движения, т.е. конкретно измеримой реальной угрозы. Владивостокское ОО было сохранено в регионе, где не было организованного революционного или антиправительственного национального движения. Поэтому его рассмотрение представляет особый интерес.

Несмотря на то, что первые русские поселения появились на берегах Тихого океана в XVII в., активное заселение и развитие региона началось только после того, как в 1858–1860 гг. в Россию были включены наиболее комфортные для проживания южные регионы Дальнего Востока — непосредственно долина нижнего течения реки Амур (Приамурье) и полоса земли между реками Амур, Уссури и Туманная и Тихим океаном (Приморье). Поскольку эти территории вошли в состав России де-факто уже после Великих реформ, то их развитие и становление государственных органов проходило в условиях очередного витка российской модернизации. Многие из них возникали на новом месте, без долгого предшествующего развития на местном уровне. Потому представляется, что рассмотрение состояния политического надзора в Приамурье в 1913–1914 гг. позволит увидеть наиболее полно и ясно не только его местные особенности, но и те общеимперские закономерности, которые отражались в нем, как в каждой капле воды из Мирового океана может быть отображено все разнообразие его химического состава, общее для всей водной толщи.

Фокусировка исследовательского внимания на периоде реформы Джунковского, направленной на ликвидацию охранных отделений, позво-

¹ Далее — ОО и РОО соответственно.

² Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 156–158.

³ Там же. С. 152.

лит избежать следования по ложному пути в виде попыток связать развитость политического сыска с готовностью страны к Первой мировой войне. Такой подход заставил бы искать жесткую взаимосвязь между этими явлениями и «подгонять» изученный эмпирический материал под заранее известный итог. Отказ же от телеологического воззрения позволяет увидеть рассматриваемое явление во всей его исключительности, с учетом всех тех неожиданных и порой случайных исторических фактов и воздействия отдельных людей, которые присущи историческому процессу.

Поиск «неожиданного» и «исключительного» переносит фокус исследования на субъективные факторы влияния — личности жандармских офицеров сыска, их привычки, опыт, заболевания, как факторы, влиявшие на их работу. На этом уровне исследования естественным представляется переход к «плотному описанию» известных фактов, в качестве наиболее плодотворной исследовательской стратегии.

Работа выполнена на пересечении двух подходов. Владивостокское охранное отделение рассматривается и как часть общеимперского института политического контроля, и как совокупность человеческих судеб и биографий его сотрудников. Это совмещение дает возможность оценить рассматриваемую систему и с точки зрения того, что от нее хотели имперские бюрократы в Санкт-Петербурге, и с точки зрения того, что же она собой являла на самом деле в рамках повседневной деятельности владивостокских жандармов.

Переходя к более подробному рассмотрению институциональной организации политического сыска в Приамурье в 1913–1914 гг., стоит обратиться к документам штаба Отдельного корпуса жандармов. Главным из них можно назвать доклад под названием «Жандармский надзор в пределах Приамурского генерал-губернаторства», представленный начальнику штаба корпуса 27 мая 1914 г.⁴ Он был подготовлен в рамках начавшегося в январе того же года обсуждения проекта организации Приамурского областного жандармского управления. Инициатором этого проекта был начальник Иркутского ГЖУ и, по совместительству, Восточно-Сибирского РОО полковник Алексей Васильевич Васильев. По этой причине данный доклад текстуально во многом совпадает с отчетом Васильева о постановке политического сыска на Дальнем Востоке от 29 декабря 1913 г. Владивостокское охранное отделение подчинялось Восточно-Сибирскому районному, и Васильев был обязан проверять его работу.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 3607. Л. 36–38 об.

Начальник Порт-Артурской крепостной жандармской команды подполковник князь Александр Платонович Микеладзе в г. Порт-Артуре. Фото 1905 г.
Library of Congress Prints and Photographs Division, LC-DIG-ppmsca-08055

В докладе штаба ОКЖ указывалось, что жандармский надзор в Примамурье состоит из двух основных учреждений Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги и Владивостокского охранного отделения. ЖПУ было создано в 1892–1893 гг. и имело отделения во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске и на станции Муравьев-Амурский. Из-за отсутствия в Приморской области полноценного ГЖУ с 1905 г. железнодорожным жандармам было передано право ведения дознаний по политическим делам, в то время как остальные обязанности губернских жандармских управлений, включая политический надзор, в их обязанности не входили⁵. Отмечалось, что с 1908 г. один из офицеров ЖПУ, по согласованию с комендантом Владивостокской крепости (как правило, адъютант управления), совместно с чинами общей полиции, исполнял в порту обязанности по досмотру паспортов и багажа прибывающих и уезжающих за границу пассажиров. Не имея средств к полноценному исполнению своих обязанностей, этот жандармский офицер был вынужден просто вести наблюдение за действиями полицейских⁶.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 36 об.

К специализированным розыскным органам в докладе относилось Владивостокское охранное отделение с розыскными пунктами в Благовещенске, Никольске-Уссурийском и Хабаровске. Формально, деятельность отделения, как отмечали составители доклада, должна была распространяться на всю территорию Амурской и Приморской областей. В реальности же Владивостокское ОО вело надзор лишь на территории города и крепости Владивосток, Никольск-Уссурийский розыскной пункт, в основном, получал сведения и предпринимал какие-либо действия через чинов общей полиции в Никольске-Уссурийском, Иманском и Ольгинском уездах, а деятельность Хабаровского розыскного пункта ограничивалась городом Хабаровском и одноименным уездом. Территорию реальной ответственности Благовещенского розыскного пункта вне города Благовещенска определить так и не удалось⁷.

Название следующего пункта доклада, «Неудовлетворенность существующей организацией», полностью отражает его суть. Штабные офицеры Корпуса жандармов отмечали, что фактически политический надзор осуществляется лишь в крупных городах области и полосе отчуждения Уссурийской железной дороги. В крупных населенных пунктах и войсковых постах (Раздольное, Посъет, Шмаковка, Иман, Владимир-Александровское и т.п.) он отсутствовал. Отдельно отмечалось, что разбросанные по тайге и побережью малочисленные места ведения различных промыслов (горных, угольных, лесных, золотодобывающих, рыбных) «остаются не только без всякого наблюдения, со стороны специальных органов, ведущих политический розыск, но даже зачастую и без обычного полицейского надзора, так как чины общей полиции, вследствие своей малочисленности, при громадных расстояниях, бездорожья и примитивных способах, часто совершенно прерываемого сообщения, не в состоянии осуществлять таковой»⁸.

Подчеркивалось, что «в силу географического и политического положения Дальнего Востока» требуется наиболее строгий надзор за многочисленными воинскими частями, расквартированными в Приамурье, так как из-за тяжелых условий размещения их военнослужащие часто таят в себе недовольство и требуют присмотра. Другой проблемой указывалась неопределенность прав и обязанностей жандармских офицеров, ввиду того, что все дознания по государственным преступлениям зачастую перекладывались ЖПУ на офицеров охранного отделения,

⁷ Там же. Л. 37.

⁸ Там же. Л. 37–37 об.

а из-за загруженности офицеров ЖПУ и охраны службой выполнение даже простых запросов тонULO в бюрократической волоките⁹.

Представленная в докладе алармистская картина должна была подтолкнуть петербургское начальство к созданию полноценного областного жандармского управления. Именно эта мера в самом конце доклада приводилась как единственная, способная решить проблемы жандармского надзора в регионе. Еще в декабре 1912 г. начальник Иркутского ГЖУ полковник Васильев докладывал о необходимости увеличения числа розыскных пунктов в Приамурском генерал-губернаторстве. В декабре 1913 г. директор Департамента полиции МВД писал в штаб ОКЖ, что, с точки зрения Васильева, «вследствие различных местных условий и причин, способствующих в последние годы особо-исключительному развитию и возрастанию революционной и вообще преступного характера деятельности среди населения переполненной преступно-ссылным элементом Восточной окраины, представляется весьма затруднительным вести правильный и точный учет этой деятельности при том числе филиальных розыскных пунктов, которое существует во вверенном ему районном отделении»¹⁰. Из этого следует, что под жандармским надзором подразумевалась система органов политического сыска, направленная на наблюдение за политической благонадежностью населения, его отдельных групп и лиц.

Стремление полковника Васильева к увеличению числа розыскных пунктов и усилению политического надзора в Приамурье активно поддерживали местные власти — приамурский генерал-губернатор и прокурор Иркутской судебной палаты. Они руководствовались тем же видением региона, как далекой окраины, насыщенной опасным революционным элементом¹¹. Иронично, что и тогда, и позже представители революционного элемента видели ситуацию совсем иначе. Активный приморский эсер и секретарь никольск-уссурийской газеты «Уссурийская окраина» Николай Арефьев в октябре 1913 г. жаловался в узком кругу сподвижников, что «в настоящее время огромный район Восточной Сибири является совершенно отрезанным от революционных центров Запада»¹². Под Восточной Сибирью здесь имеется в виду вся подконтрольная России территория от Байкала до Тихого океана. В том же донесении приводились слова Арефьева, что единственный город с оживленной партийной работой в реги-

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9. Ч. 64. Лит. Б. Л. 141.

оне — Харбин. При этом партийной литературы оттуда не хватает на весь регион, а деятельность приходится вести крайне осторожно. В 1940 г. советский историк и бывший участник революционного движения Василий Голионко писал, что с 1908 г. в регионе было последовательно уничтожено революционное движение, путем разгрома старых групп и ареста единичных активистов¹³. Несмотря на «заселенность» генерал-губернаторства революционным элементом из числа бывших и действующих ссыльных, это не сказывалось на настроениях в регионе. Характеризуя ситуацию, Голионко писал: «происходивший с 1911 по 1914 г. подъем массового рабочего движения в центральных губерниях России не отразился на Приморье по причинам чисто объективного характера»¹⁴.

Разница в восприятии ситуации в регионе между жандармами и представителями революционного движения заставляет обратиться непосредственно к деятельности жандармского надзора.

В январе 1913 г. на службе во Владивостокском охранном отделении, бывшем ядром жандармского надзора и политического розыска в Приморье, состояли всего 18 тайных агентов. Из них 7 были постоянными секретными сотрудниками, а 8 вспомогательными. Из числа основных сотрудников двое следили за деятельностью местных эсеров, двое за деятельностью РСДРП, еще двое отвечали за «совершенно секретные сведения» (перлюстрация писем) и один следил за студентами Императорского Восточного института¹⁵. Совмещение объектов наблюдения поощрялось, а не пресекалось, поэтому один из агентов, следивших за деятельностью эсеров, также следил и за студентами ИВИ, а один из внедренных к социал-демократам осведомителей также сообщал сведения о настроениях матросов Сибирской флотилии¹⁶. Из вспомогательных агентов пять следили за настроениями войск гарнизона Владивостокской крепости, по двое агентов помогали в освещении деятельности организаций эсеров и социал-демократов и по одному агенту приходилось на матросов флотилии и рабочих военного порта¹⁷.

В январе 1914 г. всего секретных сотрудников у владивостокской охранки было 11. Из них 5 постоянных и 6 вспомогательных. Два основных агента по-прежнему отвечали за перлюстрацию писем, двое следили за эсерами и один за социал-демократами. Из вспомогательных агентов

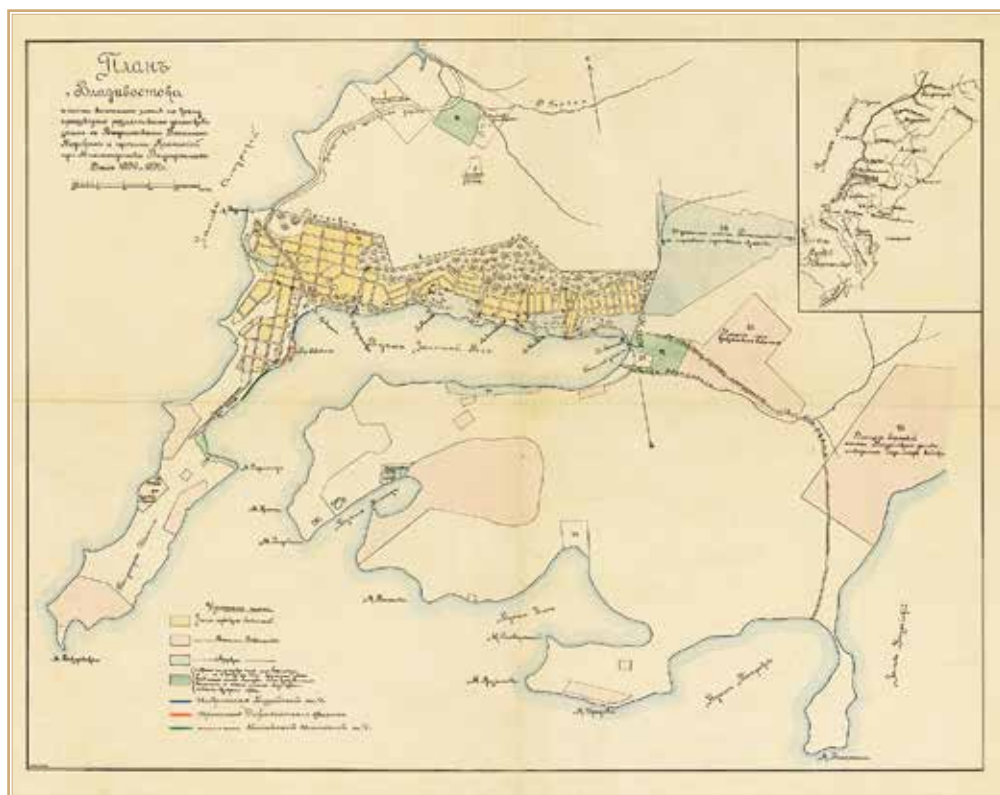
¹³ Там же. Ф. Р-9147. Оп. 1. Д. 60. Л. 63.

¹⁴ Там же. Л. 62.

¹⁵ Далее — ИВИ.

¹⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 4.

¹⁷ Там же.

План Владивостока 1897 г.
Из открытых источников

двое следили за социал-демократами, по одному за эсерами и настроением войск и двое освещали крупные бандитские шайки¹⁸.

Сами по себе колебания численности агентуры и изменения направления ее деятельности малоинформативны, но сохранившиеся материалы агентурных донесений позволяют лучше погрузиться в работу охранного отделения. Как показывают агентурные донесения владивостокской охраны, в 1913–1914 гг. ей не довелось столкнуться с развитым революционным движением. От некогда могущественной эсеровской организации, поднявшей в 1905–1907 гг. три подряд восстания гарнизона Владивостокской крепости и матросов Сибирской флотилии, остались лишь воспоминания, бережно хранимые немногочисленными активистами. В марте 1913 г. крестьянин Люблинской губернии Стефан Стельмахер и потомок даурского княжеского рода Александр Гантимуров пытались создать сельскохозяйственное общество «Дружество» с целью ведения тайной пропаганды социалистических идей среди крестьян Примор-

¹⁸ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 824. Л. 3.

ской области¹⁹. Однако зарегистрировать его не удалось и план ведения агитации провалился. В мае группа местных эсеров и им сочувствующих, состоявшая из книготорговца Аюпова, писаря 36-го Сибирского стрелкового полка Слободникова и рабочего крепостного строительства запальщика Висоцкого, планировала выпустить листовки с призывами к революционной работе и напоминаниями о событиях 1905 г. Для минимизации риска провала предполагалось распространять их не открыто, а из рук в руки. Начальник охраны ротмистр Евгений Лалевич даже получил свыше добро на ликвидацию этой группы, но она не состоялась. По плану конспираторов листовки должны были напечатать на гектографе 36-го полка, который собирался привезти из места дислокации полка на острове Русский во Владивосток Слободников. Но из-за близости 1 мая военное начальство ограничило увольнительные для солдат срочной службы. Слободников не смог взять гектограф и доехать до Владивостока. Чуть позже члены группы заметили за собой слежку и прекратили активную деятельность, тем самым лишив охранку повода для ареста²⁰.

В дальнейшем в поле зрения охраны попадали лишь единичные люди. Летом 1913 г. таковым стал один из продавцов книжного магазина братьев Синкевичей уроженец Варшавы Владислав Трембинский, обещавший покупателям достать нелегальную литературу и часто рассуждавший о том, как бы была желанна независимость для Польши²¹. В тех же беседах он неоднократно выражал симпатии Польской партии социалистов. В июле Трембинский выехал в неизвестном направлении. В конце сентября под наблюдение попал некто Блажиевский, подозреваемый в получении из Нагасаки и Шанхая революционной литературы для дальнейшего ее распространения²².

Все же владивостокские жандармы не воспринимали местных эсеров как беззубого противника. В декабре 1913 г. охранное отделение установило наблюдение за начальником Владивостокской тюрьмы, после получения сведений о том, что на него готовится покушение эсерами в связи с его службой на Закатуйской каторге²³. Покушение так и не состоялось, поскольку подготовленный для него боевик-эсер был заранее задержан. Зимой 1914 г. в охранное отделение поступил запрос

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. А. 23.

²⁰ Там же. Л. 36.

²¹ Там же. Л. 55, 72.

²² Там же. Л. 105.

²³ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 536. Оп. 2. Д. 14. Л. 3.

от Департамента полиции с целью установления политической благонадежности бывшего студента Восточного института Павла Сосулина, в 1912 г. участвовавшего в деятельности эсеровского кружка. В ответной телеграмме ротмистр Лалевич сообщил, что кружок прекратил свое существование после первого же собрания из-за вспышки скарлатины, после которой институт был закрыт на карантин. С тех пор его деятельность не возобновилась и никаких признаков политической нелояльности ни Сосулин, ни другие его товарищи не проявляли²⁴.

К весне 1914 г. во Владивостоке не было даже намека на существование эсеровских организаций. Были лишь отдельные люди, связанные общим прошлым и взглядами, но не сведенные в общую силу²⁵. Некоторое оживление в слежке за эсерами произошло в конце апреля, когда после любительского спектакля матросов в Сибирском флотском экипаже были обнаружены разбросанные листовки, рассказывающие о забастовках рабочих в Санкт-Петербурге и европейской части России²⁶. Розыск показал, что эти листовки были отпечатаны эсерами-эмигрантами в Австралии и доставлены во Владивосток морем на пароходе Добровольного флота «Симферополь» официантом-поляком, известным как «Казимирчик»²⁷. Поскольку других подобных случаев не происходило, то, как и в предыдущие разы, дальше агентурного наблюдения дело не пошло.

Несколько иначе обстояло дело со слежкой за членами РСДРП. В отличие от эсеров у них во Владивостоке теоретически была опора в лице рабочих военного порта. В апреле 1913 г. началась забастовка портовых рабочих, недовольных нарушениями условий выплат за сверхурочные работы. Отдельно отмечалось: «большим злом в Порту является столовая для рабочих. До открытия столовой мастера для обеда пользовались лишь получасовым перерывом работ в обеденное время, с открытием же столовой положенное на обед время увеличено до 1 часа, причем рабочие, собираясь в столовой, количеством в 300 и более человек, имеют достаточно времени для обмена своих мыслей»²⁸. Помимо прочего, через столовую осуществлялся неконтролируемый проход посторонних лиц на территорию порта.

Тем не менее охранному отделению было предписано не вмешиваться, пока забастовка носила сугубо экономический характер. В итоге

²⁴ Там же. Л. 15.

²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 7.

²⁶ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 34. Л. 51.

²⁷ Там же. Л. 93.

²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 5ч. 64 л. Б. Л. 24.

рабочие-зачинщики забастовки Петр Радаев и Семен Костырев выехали из Владивостока в Петербург, где стали сотрудничать с социал-демократической прессой по рабочим вопросам. Как выяснилось, оба они были социал-демократами, но боялись открыто провозглашать свои взгляды во Владивостоке и призывать к стачке рабочих под политическими лозунгами из страха немедленного увольнения и ареста²⁹.

Еще одним объектом наблюдения за социал-демократами был Дом народных чтений имени А.С. Пушкина, где регулярно проходили литературные вечера и спектакли для городского населения, действовали школа по ликвидации безграмотности среди взрослых и школа для детей рабочих. В мае 1913 г. членами правления Дома были сугубо социал-демократы — Александр Тамм, Николай Черненко и Павел Мавропуло³⁰. Тамм был известен отделению как видный местный социал-демократ и находился под наблюдением охраны с 1908 г. Николай Черненко как получатель социал-демократических газет из Парижа состоял под наблюдением с ноября 1908 г.³¹ Павел Мавропуло состоял под наблюдением с 1911 г., когда, еще будучи студентом ИВИ, пытался организовать студенческие беспорядки³². Благодаря этому относительно легальная деятельность местных социал-демократов находилась под плотным контролем охраны.

То же можно сказать и про нелегальную. В 1913 г. банковский служащий Григорий Мумзи и ряд его товарищей собрались с целью пересоздать областной комитет РСДРП, разгромленный еще в 1908 г.³³ Об этом изначально было известно охранному отделению, вмешательство которого не потребовалось. Мумзи и его товарищи, опасаясь провала и ареста, не решились на воссоздание областного комитета. Свою роль в деятельности охраны играл и приграничный статус Владивостока. В январе 1914 г. Восточно-Сибирским районным охранным отделением было предписано установить наблюдение за возможными контактами между местными социал-демократами и китайскими революционными партиями, так как подобные связи были ранее установлены РСДРП в Томске³⁴.

В начале февраля 1914 г. руководство Владивостокского сыскного отделения сообщило охране, что в городе проживает некто Амбросимов,

²⁹ Там же. Л. 44.

³⁰ Там же. Л. 35.

³¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 217.

³² Там же. Л. 111.

³³ Там же. Л. 119.

³⁴ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 17. Л. 26.

Панорама Владивостока. Фото 1918 г.
Фотофонд Музея-заповедника «Владивостокская крепость».
Учетный номер: МЗВК ОФ 804 Фкр 313

«который занимается немного политикой и продает разным лицам разной системы револьверы»³⁵. Проведенный у него обыск ничего не дал, так как Амбросимов успел скрыться от ареста. Сам этот случай показывает, что владивостокская охранка могла действовать в контакте с другими правоохранителями, например сыскным отделением. Были также и успешные обыски и аресты. По итогам перлюстрации писем под наблюдение охранки попал некто Александр Шананин, который вел переписку с благовещенским социал-демократом и профсоюзным деятелем Саввой Колейко³⁶. Слежка за ним велась с 9 по 23 февраля и окончилась успешным арестом. Им оказался дезертировавший со службы в 1-м Сибирском стрелковом полку крестьянин Тобольской губернии Петр Порядин³⁷.

Помимо слежки за конкретными людьми велось наблюдение и за важными для социал-демократов событиями. В феврале 1914 г. начальник охранного отделения предписал владивостокскому полицмейстеру усилить службу полицейских на улицах с целью недопущения каких-либо сборищ, митингов и распространения прокламаций 23 февраля, на которое было назначено празднование Международного женского дня³⁸.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 38.

³⁶ Там же. Л. 64.

³⁷ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 24–24 об.

³⁸ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 17. Л. 11.

О том, насколько подконтрольны охранке были приморские социал-демократы, красноречиво говорит следующий факт. Летом 1914 г., когда из-за начала Первой мировой войны проживавший в Кракове Владимир Ленин был временно задержан австрийской полицией, у его жены Надежды Крупской была изъята записная книжка с указанием всех контактных адресов ЦК РСДРП в России, использовавшихся с 1912 г. В 1959 г. она была издана в журнале «Исторический архив» группой сотрудников Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма. В этой книжке были указаны два адреса во Владивостоке: Сибирский торговый банк, А.Г. Антонову, и почтовый ящик № 76 городского почтамта³⁹.

Служащий Сибирского торгового банка, сын коллежского секретаря Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда Александр Гаврилович Антонов находился под наблюдением Владивостокского охранного отделения с августа 1912 г. Причиной послужили его связи с Максимом Горьким и колонией русских эмигрантов на Капри, которые поддерживались через брата Антонова⁴⁰. Любопытнее оказалась история почтового ящика № 76. В феврале 1913 г. почтовые чиновники сообщили в охранный отдел, что на этот почтовый ящик поступили из Кракова брошюра «Всероссийская конференция РСДРП Партии» и № 28–29 журнала «Социал-демократ», а также гектографированные прокламации. Из Германии прибыли две брошюры «Извещение и резолюции совещания Центрального комитета РСДРП с партийными работниками»⁴¹. Почтовый ящик № 76 был конспиративно абонирован Владивостокским охранным отделением, и, как выяснилось, предшественник ротмистра Евгения Лалевича на посту начальника охраны ротмистр Константин Нагородский незадолго до своего отъезда к новому месту службы в конце февраля 1913 г. выписал на этот ящик несколько брошюр и журналов РСДРП для пополнения нелегальной библиотеки отделения⁴². Из двух известных ЦК РСДРП контактных адресов во Владивостоке один находился под наблюдением охраны, а второй был ею напрямую инспирирован.

Стоит отметить, что кроме связей с ЦК приморские социал-демократы испытывали некоторые проблемы с кадрами. В донесении от сентября 1913 г. упоминается, что одним из руководителей мест-

³⁹ Адресная книга ЦК РСДРП (1912–1914 гг.) // Исторический архив. 1959. № 1. С. 24.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 20ч. 64 л. Б. Л. 141.

⁴¹ Там же. Оп. 243. Д. 5ч. 64 л. А. Л. 1–2.

⁴² Там же. Л. 4.

ных социал-демократов является некто Полуэктов — хороший оратор и твердый марксист по убеждениям⁴³. Рабочий-слесарь Владивостокского военного порта Никифор Семенович Полуэктов в декабре того же года был завербован агентом владивостокской охранки под псевдонимом «Северов». Жандармским руководством характеризовался как «интеллигентный прекрасно разбирающийся в рабочем движении человек, очень полезный сотрудник»⁴⁴. В его обязанности входило освещение деятельности Дома народных чтений и портовых рабочих.

Не ограничиваясь систематическим наблюдением за революционными партиями и группами, владивостокская охранка обращала свое внимание и на неполитические явления. В силу того, что Владивосток был городом-крепостью, с гарнизоном около 60 тыс. человек, внимание жандармского надзора привлекали военные и флотские чины. В 1913 г. ротмистром Лалевичем был завербован агент «Димитриев» для наблюдения за настроениями военно-морских офицеров⁴⁵. Этот агент сообщал, в основном, информацию неполитического характера, имеющую отношение к образу жизни офицеров Сибирской флотилии и их отношению с матросами. Помня о том, что подходящая почва для бунта создается бытовыми и служебными, а не политическими вопросами, жандармы старались следить за тем, как проходила служба на кораблях Сибирской флотилии. Слежка за настроениями солдат крепостного гарнизона была осложнена одним из нововведений В.Ф. Джунковского, отчаянно боровшегося с политическим сыском. В марте 1913 г. отдельным циркуляром он предписал ликвидировать агентуру политической полиции среди воинских чинов. Как он писал, «на чинах Корпуса жандармов должна лежать обязанность ограждать войсковые части от вторжения извне в их среду революционных агитаторов»⁴⁶. Наблюдение же непосредственно за нижними чинами Джунковский возлагал на их прямых воинских начальников и командиров, игнорируя степень их приспособленности к такому виду деятельности. В своих мемуарах позднее он писал, что, с его точки зрения, наличие жандармской агентуры в войсках расшатывало дисциплину и развращало войска⁴⁷. Несмотря на всю

⁴³ Там же. Д. 5ч. 64 л. Б. Л. 63.

⁴⁴ Там же. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 29–29 об.

⁴⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 7.

⁴⁶ Политическая полиция России между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сб. документов / Вступ. ст., сост. и коммент. Е.И. Щербакова. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2021. С. 275.

⁴⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 179.

спорность, это решение было исполнено жандармскими офицерами и, в частности, 24 апреля 1913 г. начальник Владивостокского охранного отделения ротмистр Евгений Лалевич сообщил, что им была уволена вся агентура среди нижних чинов армии и флота⁴⁸.

Наблюдение за военными продолжалось силами штатских лиц, находившихся с ними в постоянном контакте. 26 апреля чиновник для поручений отделения Шибков завербовал вспомогательного агента «Волгу» для наблюдения за матросами флотилии⁴⁹. 12 июля для освещения настроений нижних чинов гарнизона крепости был завербован агент «Высокий»⁵⁰. По предписанию Джунковского велось и сотрудничество с командирами воинских частей. В январе 1914 г. ротмистр Лалевич сообщил командиру 3-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, что служащий срочную службу в этом подразделении уроженец Варшавской губернии Ян Добровольский до призыва агитировал знакомых поляков вступать в «Польское общество кавалеристов», созданное в Галиции с целью распространения революционных идей. В этой связи Лалевич просил командира полка установить за Добровольским наблюдение⁵¹. Свою роль играли и обычные доносы. В том же месяце в охранку поступил донос на военного инженера капитана Чеслава Рыбинского, проектировщика и строителя Форта № 6 Владивостокской крепости. В доносе соседка по даче обвиняла Рыбинского и его жену в распространении нелегальной литературы среди солдат гарнизона и крепостных строителей⁵². Проверка показала необоснованность этого доноса.

В очень редких случаях дело заходило дальше негласной агентурной работы. В феврале 1914 г. охранкой был обыскан поручик 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка Борис Алеманов. Причиной стал донос его бывшего денщика, что, еще находясь на службе в Красноярске, Алеманов хранил у себя нелегальную литературу. Такová при обыске действительно нашлась в виде двух брошюр, которые, по словам Алеманова, он конфисковал у своего денщика⁵³. Разобравшись в том, что поручик был оклеветан своим бывшим подчиненным, его отпустили.

⁴⁸ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 14.

⁴⁹ Там же. Л. 15.

⁵⁰ Там же. Л. 24.

⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.

⁵² Там же. Л. 27.

⁵³ Там же. Л. 36.

Кроме военных под наблюдением охранки состояли и представители отдельных общественных организаций. Весной 1912 г. в поле зрения отделения попали первые случаи распространения «тенденциозной» литературы на украинском языке, призывавшей к борьбе за национальную автономию в составе России. В январе 1913 г. было установлено, что во Владивостоке есть корреспонденты киевской организации «Родина», получающие от нее пресловутые брошюры и журналы⁵⁴. В апреле 1913 г. при Доме народных чтений во Владивостоке был создан «Украинский любительский драматический кружок», целями которого были заявлены тесная связь с другими украинофильскими организациями России, распространение и чтение литературы на украинском языке (в том числе изданной за рубежом)⁵⁵. В январе 1914 г. организаторы владивостокского украинского кружка собирались открыть подобный во втором городе области — Никольске-Уссурийском, но из-за боязни ареста так и не решились на это. Тогда же во Владивостоке вокруг театрального начал формироваться украинский социал-демократический кружок⁵⁶.

Стоит заметить, что спектакли украинского драматического кружка пользовались определенной популярностью, так как на украинском языке ставились те спектакли, которые цензура на русском бы не пропустила. Но дальше этого дело не шло и не только из-за боязни ареста полицией. Руководителями кружка были железнодорожный телеграфист Степан Мостипан и токарь Владивостокского военного порта Иван Антонюк. Первый был завербован ЖПУ по Уссурийской железной дороге под псевдонимом «Ганул» в ноябре 1912 г.⁵⁷ Антонюк же был завербован в агенты охранки под псевдонимом «Камчатский» в ноябре 1914 г.⁵⁸

Осенью 1913 г. под наблюдение охранки попали депутаты Государственной думы Федор Родичев и Александр Русанов, совершившие поездку по Дальнему Востоку. При частных встречах с представителями прессы Родичев призывал местную печать поддерживать стихийно сложившийся блок левых партий и кадетов. Называя целью парламентской оппозиции борьбу с правительством, он призывал сочувствующих думцам общественных деятелей затаиться и не проявлять активности, сравнивая 1913 г. с 1903 г., когда, по его мнению, волна экономических стачек дала толчок к революционно-освободительной борьбе. На открытых

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 4.

⁵⁵ Там же. Л. 35.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 163ч. 64 л. Б. Л. 7 об.—8.

⁵⁷ Там же. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Л. 43.

встречах Родичев читал лекции о Герцене, выдержанные в более аккуратном, но все же оппозиционном духе⁵⁹. Избранный от Приморской области депутат-трудовик Александр Русанов, связанный с социал-демократами, вел деятельность более открытую, не стесняясь выступать в местной прессе с критикой приамурского генерал-губернатора Николая Гондатти, что также попадало в поле зрения охранки⁶⁰.

Политизация прессы также обращала на себя внимание охранного отделения. Из-за разгоревшегося конфликта между редакторами крупнейших владивостокских газет и вице-губернатором Владимиром Ладежинским начальником охранного отделения Евгением Лалевиным была подготовлена записка о деятельности местной прессы. В ней он характеризовал местную печать как преимущественно прогрессивно-оппозиционную, увязывая это с тем, что большинство ее сотрудников составляют бывшие или беглые политические ссыльные и лица прогрессивных взглядов⁶¹. Активное участие представителей приморской прессы в деятельности социал-демократических и социал-революционных организаций позволило охранке накопить достаточное количество информации о местной печати и анализировать средства массовой информации как самостоятельное явление общественной жизни области.

Немаловажным направлением для деятельности владивостокской охранки был политический надзор за рубежом. Начало ему было положено в 1907–1908 гг., когда в японском городе Нагасаки действовала крупная колония русских революционеров-эмигрантов, из числа которых был развернут Восточный автономный комитет партии эсеров⁶². За деятельностью революционеров совместно следили агенты охранки и русского консула в Нагасаки. После ряда успешных арестов курьеров с оружием и литературой, направленных из Японии во Владивосток, председатель Восточного автономного комитета Борис Дмитриевич Оржих принял решение о переносе своей деятельности в Шанхай⁶³. Впоследствии основные руководители русской революционной эмиграции в Японии покинули регион. Оржих выехал в Аргентину, а предводитель социал-демократической эмигрантской группы Николай

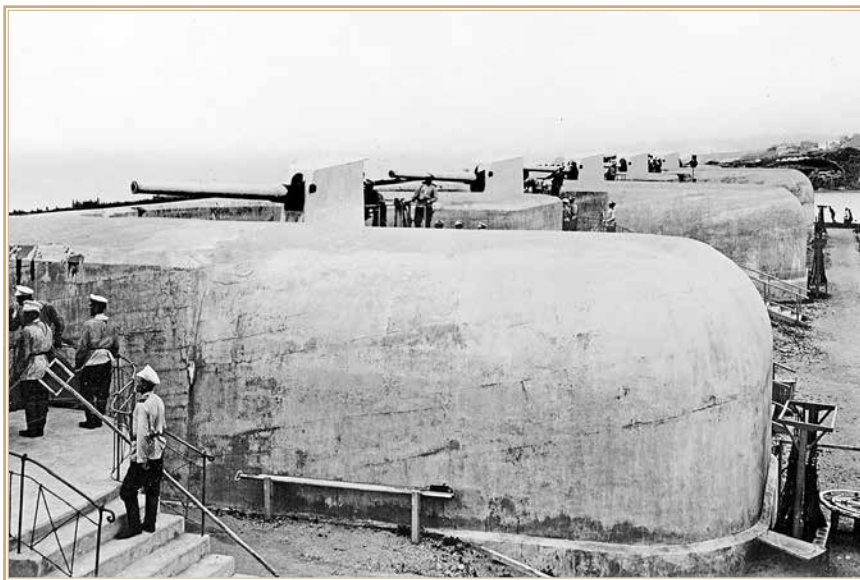
⁵⁹ Там же. Ф. 102. Оп. 243. Д. 5ч. 64 л. Б. Л. 73–74.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Агапов В.А., Дударенок С.М. Записка начальника владивостокского охранного отделения. Документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. 1913 г. // Исторический архив. 2016. № 1. С. 155.

⁶² РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

⁶³ Там же. Л. 99.

Иннокентьевская батарея Владивостока. Пушки Канэ. Фото конца XIX в.
Из собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

Константинович Судзиловский выехал на Филиппины. В августе 1913 г. агент Никольск-Уссурийского розыскного пункта «Учитель» сообщил, что никаких организованных групп в Шанхае и Нагасаки нет, они всего лишь являются безвольными остатками того, что когда-то было собрано Оржихом и Судзиловским⁶⁴. Но слабость этих групп не означала отсутствия надзора за ними.

В ноябре 1913 г. в русское консульство в Шанхае обратился кореец по имени Хан-Ки-Тон, попросивший о материальной помощи⁶⁵. Владивостокскому охранному отделению он был больше известен как агент «Попутчик», следивший за деятельностью русских революционных эмигрантов в Шанхае. Начальник отделения ротмистр Е.К. Лалевич писал начальству в Иркутске, что агент «Попутчик» систематически не выходит на связь, а из-за особенностей почтового сообщения между Россией и Китаем Лалевич не имел возможности регулярно оплачивать агенту его услуги⁶⁶. Уже в послереволюционные годы Хан-Ки-Тон был арестован и предстал перед судом как агент охранки. В ходе суда выяснилось, что Хан-Ки-Тон выполнял задания охранного отделения в Нагасаки, откуда был переведен в Шанхай. Там он вел свою деятельность с июля по

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 97.

⁶⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 47.

⁶⁶ Там же. Л. 50.

декабрь 1913 г., когда был исключен из числа агентов за регулярные нарушения порядка связи с начальством. В 1927 г. он был приговорен к пяти годам лишения свободы со строгой изоляцией⁶⁷.

Проблемы с «Попутчиком» заставили ротмистра Лалевича искать замену сотруднику. Таковой заменой стал другой агент, Анатолий Александрович Кайгородцев, известный во Владивостоке под именем Андрея Васильевича Сикорского, бывший артистом-любителем и журналистом газеты «Приамурский край», отличался неординарным и авантюрным характером. Будучи двоюродным братом эсера-террориста Ивана Каляева, Кайгородцев-Сикорский вступил в эсеры, был арестован и выслан в Нолинск Вятской губернии, откуда бежал на Дальний Восток. Во Владивостоке в 1909 г. он был арестован и завербован охранным отделением под псевдонимом «Ольнем», став секретным сотрудником по освещению прессы, деятельности эсеров и социал-демократов⁶⁸. Лалевич активно предлагал именно его кандидатуру в качестве нового агента охраны в Шанхае. В пользу «Ольнема» назывались его обширные связи: социал-демократ и помощник директора шанхайского филиала Русско-Азиатского банка Я.Г. Шустов, присяжный поверенный эсер В.Д. Дмитриенко, бывший доверенным лицом владивостокского купца-миллионера смешанного англо-японского происхождения Демби. «Ольнем» планировал также брать рекомендации у своих знакомых из торгового дома «Иван Чурин и Со», владивостокского отделения Русско-Азиатского банка, Добровольного флота, а для легального прикрытия планировал работать в качестве журналиста для газет «Далекая окраина», «Приморский край», «Новая жизнь», «Приамурье»⁶⁹.

Несмотря на убедительные рекомендации и возможность конструирования хорошей легенды, начальник Восточно-Сибирского РОО полковник Васильев отказал в назначении «Ольнема», сославшись на то, что тот известен ему лишь с отрицательной стороны⁷⁰. Вместо Шанхая «Ольнем» поехал в командировку для установления явок в Баку.

Неоднозначная история работы агента «Попутчик» и неудавшаяся его замена агентом «Ольнем» позволяет говорить не только о попытках владивостокской охраны вести наблюдение за русскими эмигрантами в Шанхае, но и о том, какие плотные связи были между Шанхаем и Вла-

⁶⁷ Известия. № 66. 1927.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 12.

⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 11. Л. 74.

⁷⁰ Там же. Л. 78.

дивостоком. Многосложная легенда «Ольнема» предполагала использовать банковские, деловые, информационные, логистические связи между двумя городами, что демонстрирует их близость друг другу. Интерес к эмигрантской колонии в Шанхае был обусловлен убежденностью руководства Восточно-Сибирского РОО в том, что на фоне оживления революционного движения в европейской части России Сибирь и Дальний Восток будут использоваться для ввоза революционной литературы из стран Азии⁷¹. По данным советского суда, «Попутчик» следил за революционером Писаренко в Нагасаки, революционерами Виткопом, Джеребовским и Поповым⁷².

С 12 сентября по 15 октября 1913 г. начальник восточносибирской охраны Васильев совершил поездку в Шанхай и Нагасаки. В своем докладе он указывал на то, что летом в Нагасаки из Австралии приехал русский революционер Писаренко, вступивший в контакт с представителями китайской революционной партии Гоминьдан⁷³. В Шанхае же Васильев выделял среди главных лиц революционной колонии бежавшего из России офицера Джеребовского, служащего китайской морской таможни Мойше Добкина, скрывающегося под именем Константина Попова, и торговца живым товаром Виткопа⁷⁴. Все эти люди упоминаются «Попутчиком»⁷⁵. Это хорошо показывает, что работа, которую вел агент и куратор Лалевич, была достаточно эффективна в установлении наиболее активных лиц эмигрантской колонии в Шанхае.

Советский историк Николай Ерошкин писал в своей фундаментальной работе «История государственных учреждений дореволюционной России», что основным методом работы Департамента полиции и подчиненных ему охранных отделений стало активное использование тайной агентуры понимаемое им как «провокация»⁷⁶. При активном использовании тайной агентуры главным критерием деятельности офицеров охранных отделений было не количество арестов, а число

⁷¹ Иванов А.А., Кузнецов С.И. Документы ГАИО о создании в начале XX в. в Китае и Японии центров поддержки русского революционного движения // Вестник БНЦ СО РАН. 2021. № 4 (44). С. 103.

⁷² Известия. № 66. 1927.

⁷³ Иванов А.А., Кузнецов С.И. Документы ГАИО о создании в начале XX в. в Китае и Японии центров поддержки русского революционного движения // Вестник БНЦ СО РАН. 2021. № 4 (44). С. 104.

⁷⁴ Там же. С. 105.

⁷⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 47а1–47а6.

⁷⁶ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 296.

предупрежденных преступлений и процентное отношение количества арестов к количеству дел, переданных в суд⁷⁷. Исходя из этого, стоит признать эффективность служебной деятельности Владивостокского охранного отделения. Оно держало под своим контролем практически все проявления общественной и революционной жизни в регионе, от попыток организации тайных обществ до деятельности отдельных лиц, включая не только Владивосток, но и ближайшие зарубежные города, имевшие русские диаспоры. Кажущаяся пассивность отделения была обусловлена малочисленностью и неорганизованностью, а следовательно, неопасностью русского революционного движения в Приамурье, Китае и Японии.

Кроме политического сыска в поле зрения охранки попадала и обычная коррупция. Из перехваченного охранкой осенью 1913 г. письма выяснилось, что председатель Владивостокского окружного суда Виктор Гүзевич выдает даже совсем неграмотным лицам свидетельства, дающие право на ведение адвокатской деятельности. Никольск-уссурийский частный поверенный Владислав Повало-Швыковский использовал взятки для решения дел в свою пользу, в чем ему помогали судебный пристав Михаил Барабаш и жена мирового судьи 1-го участка Екатерина Алексеева. Секретарь Владивостокского окружного суда Пантелей Попович за взятки давал адвокатам судебные дела и позволял совершать подлоги в них. Обо всем этом было сообщено министру юстиции И.Г. Щегловитову⁷⁸.

Подобная организация работы была заслугой жандармских офицеров, служивших во Владивостокском охранном отделении. Традиционное отношение жандармских офицеров, выбравших политический розыск, было далеко от строго положительного. Тот же Владимир Джунковский, рассуждая о гибели П.А. Столыпина, писал в мемуарах, что проблемой охранных отделений было то, что во главе их стояли молодые офицеры, не обладавшие должной порядочностью⁷⁹. Уволенный после убийства Столыпина товарищ министра внутренних дел и командир ОКЖ П.Г. Курлов считал, что розыскные офицеры ставили себя в исключительное положение, игнорируя местные администрации и воинскую субординацию⁸⁰. В октябре 1911 г. вице-директор Департамента

⁷⁷ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 135.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 20ч. 64 л. Б. Л. 123–124.

⁷⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 605.

⁸⁰ Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. С. 86.

Полицейское управление Владивостока. Открытка начала XX в.
Из открытых источников

полицейскому С.Е. Виссарионову писал, что необходимо прикомандировывать к охранному отделению молодых офицеров, чтобы они набирались опыта и могли приступать к руководству охранками⁸¹.

Офицерский состав Владивостокского охранного отделения в рассматриваемый период сочетал в себе все вышеперечисленные характеристики. Это были молодые офицеры, не особо считавшиеся с официальной субординацией и не единожды обвиненные в неподобающем поведении.

Начальником отделения с марта 1913 г. был ротмистр Евгений Константинович Лалевич. Сын бессарабского помещика, он родился 7 марта 1880 г. После учебы во Киевском Владимирском кадетском корпусе и Павловском военном училище, которое он окончил по 1-му разряду, Лалевич выпустился в 73-й пехотный Крымский полк⁸². В июле 1904 г. он перевелся на службу в 148-й пехотный Каспийский полк, в рядах которого участвовал в сражениях Русско-японской войны⁸³. Его сослуживцем по полку был будущий выдающийся жандармский офицер В.В. Вла-

⁸¹ Политическая полиция России между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сб. документов / Вступ. ст., сост. и коммент. Е.И. Щербакова. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2021. С. 225.

⁸² Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 13 октября 1911 г. СПб.: Тип. штаба Отдельного корпуса жандармов, 1911. С. 664.

⁸³ Русский инвалид. № 148. 08.07.1904.

димиров, впоследствии в годы Первой мировой войны руководивший Особым отделом штаба флота Балтийского моря. За участие в боях Лалевич был награжден орденами Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава III степени⁸⁴. Он неоднократно участвовал добровольцем в рейдах охотничьих команд, несмотря на свою должность адъютанта командира 4-го батальона, и различных перестрелках с передовыми японскими отрядами. Во время Мукденского сражения Лалевич был контужен взрывом снаряда, после чего отправлен на лечение в Россию. После этого он был временно прикомандирован к Иркутской местной бригаде, откуда и подал прошение о зачислении в ОКЖ в 1907 г.

Причиной, по которой Евгений Константинович хотел оставить армию и перейти в жандармы, он называл слабое здоровье, не позволяющее нести строевую службу — помимо контузии молодой поручик страдал пороком сердца⁸⁵. Начальством он аттестовывался как офицер нравственный, способный и усердный. Подчеркивалось, что Лалевич был болезненного вида, непредставительной внешности и небольшого роста. По окончании подготовительных курсов при штабе ОКЖ поручик Лалевич вышел в адъютанты Тверского ГЖУ. В Твери молодой офицер женился на дочери начальника управления генерал-майора Василия Шлихтинга Наталье⁸⁶. Среди шуринов Лалевича оказались еще два жандармских офицера — Антон Шлихтинг, служивший в железнодорожной жандармерии, а в 1909–1911 гг. бывший помощником начальника Туркестанского районного охранного отделения, и офицер Санкт-Петербургского жандармского дивизиона Виктор Шлихтинг. Стоит заметить, что, как и в императорской гвардии, в ОКЖ вполне обычным делом были родственные связи между его офицерами, формирование отдельных жандармских династий.

После Твери Евгений Лалевич нес службу в Новороссийском розыскном пункте, а после был прикомандирован для ведения дознаний по политическим делам к Астраханскому ГЖУ, где был награжден орденом Святой Анны III степени⁸⁷. Во время службы в Астрахани Лалевич стал крестным отцом дочери начальника ГЖУ полковника Николая Бураго Марии, родившейся 20 июня 1910 г.⁸⁸ Этот эпизод показывает, что

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 359. Л. 557 об.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11431. Л. 11 об.

⁸⁶ Там же. Оп. 17. Д. 359. Л. 561.

⁸⁷ Русский инвалид. № 86. 18.04.1910.

⁸⁸ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 741. Оп. 3. Д. 80. Л. 8.

молодой офицер был на хорошем счету у своего начальства, раз он был удостоен такой чести. К тому же на этом примере можно увидеть, как происходило создание отдельных кланов внутри ОКЖ. В Астрахани же летом 1911 г. Лалевич получил предложение переехать во Владивосток и стать помощником начальника охранного отделения. Предложение это он с радостью принял. В Приморскую область он прибыл в ноябре и сразу же включился в работу. При ведении дознания по делу «Военного союза Владивостокской крепости» именно ротмистр Лалевич выезжал для проведения допросов и экспертиз⁸⁹. В ноябре 1912 г. он участвовал в организации ареста забастовавших приказчиков фирмы братьев Уриных. После проведения инструктажа для полицейских, участвовавших в аресте, Лалевич направился по делам службы и был сбит сильным порывом ветра, получив серьезную травму ноги в виде растяжения связок с многочисленными разрывами. Примечательно, что эта травма была в итоге признана ранением, полученным на службе, и соответствующим образом внесена в послужной список. Также в ходе лечения выяснилось, что ротмистр Лалевич болен нейросифилисом спинного мозга⁹⁰. Одними из признаков этой болезни являются повышенная раздражительность и подозрительность, что, возможно, в дальнейшем сказалось на характере офицера.

Летом 1913 г., уже возглавив Владивостокское охранное отделение, Лалевич обвинил своего предшественника по должности ротмистра Константина Нагородского в присвоении денежных средств отделения⁹¹. Как выяснило небольшое расследование, обвинение это было полностью ложным и основывалось на том, что письмоводитель отделения Емельян Ковердынский затаил на Нагородского обиду за то, что тот не заплатил ему за помощь в упаковке вещей. В причинах того, почему Лалевич поддержал донос канцелярского служащего на своего бывшего начальника и сослуживца по корпусу, никто разбираться не стал. Джунковский отдельно потребовал донести до Лалевича недопустимость такого рода дразг среди офицеров корпуса, но никаких административных или уголовных последствий для него эта история не имела⁹². После этого за Лалевичем, по всей видимости, закрепилась репутация офицера с крайне склочным и тяжелым характером. В декабре 1913 г. он направил началь-

⁸⁹ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 168.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18556. Л. 10.

⁹¹ Там же. Оп. 6. Д. 2951. Л. 3.

⁹² Там же. Л. 52.

нику ЖПУ по Средне-Азиатской железной дороге подполковнику Сизых перехваченное владивостокской охранкой письмо. Сизых сообщил, что к его компетенции такого рода вещи не относятся и должны быть доложены Туркестанскому районному охранному отделению. Ответ Лалевича на это письмо послужил причиной, по которой Департамент полиции направил в штаб Отдельного корпуса жандармов записку со следующими словами: «Резкость и явная непочтительность по отношению старшего его в чине, в должности и по положению подполковника Сизых, являются нетерпимыми с точки зрения дисциплинарного Устава и, будучи перенесены в письменные сношения, порождают взаимное недоброжелательство и тем самым в высокой степени отрицательно влияют на успех общего дела <...> считаю необходимым добавить, что изложенный факт является не единичным показателем неуживчивости и излишней самонадеянности означенного обер-офицера»⁹³.

Несмотря на это служба Лалевича продолжилась. Весной 1914 г. он был награжден орденом Святого Станислава II степени⁹⁴. Конечно, это можно объяснить покровительством тестя — жандармского генерал-майора Шлихтинга. По результатам проверки со стороны начальника Восточно-Сибирского районного охранного отделения в декабре 1913 г. владивостокская охранка получила следующую оценку: секретная агентура — удовлетворительно, перлюстрация писем — хорошо, наружное наблюдение — удовлетворительно, канцелярия и отчетность — в порядке. К слабым сторонам работы отделения относились нехватка новой агентуры и отсутствие освещения деятельности революционных партий в сельской местности Приморской области⁹⁵. Стоит заметить, что эти оценки были не совсем справедливы. Малочисленность агентуры и отсутствие ее в сельской местности объяснялись огромной территорией области, огромным количеством разбросанных по тайге населенных пунктов, часть из которых носила временный характер. При этом у охранного отделения банально не хватало людей для надзора за такой территорией.

Помощником начальника Владивостокского охранного отделения с марта 1913 г. был ротмистр Николай Васильевич Галявин. Во многих отношениях он был противоположностью Лалевича. Если Лалевич был уроженцем Бессарабии, из дворян, невысокого роста и болезненной

⁹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 51ч. 64. Л. 136.

⁹⁴ Русский инвалид. № 76. 06.04.1914.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 51ч. 64. Л. 149.

Празднование победы Февральской революции во Владивостоке. 1917 г.
Library of Congress Prints and Photographs Division, LC-DIG-ggbain-24451

внешности, то Галявин происходил из мещан Ростова Ярославской губернии, отличался высоким ростом, представительной внешностью и постоянно здоровым видом⁹⁶. Если Лалевич перевелся в ОКЖ из-за невозможности нести строевую службу по состоянию здоровья, то Галявин был вынужден оставить полк из-за романа с женой сослуживца Серафимой Кавесской. Стоит заметить, что как только она получила развод, Галявин на ней женился. Но у двух жандармов было нечто общее: они оба участвовали в Русско-японской войне в составе 148-го пехотного Каспийского полка, оба участвовали в разведках и боях, оба были награждены за храбрость. Если Лалевич был адъютантом командира батальона, то Галявин начальником пешей охотничьей команды.

В Корпус жандармов Галявин перешел на службу в 1909 г. и был назначен на службу в Тамбовско-Уральское ЖПУ. Оттуда он был в 1910 г. прикомандирован для ознакомления с розыском к Саратовскому районному охранному отделению, где получил отрицательную характеристику начальства. В ней утверждалось, что при всем своем трудолюбии и способностям к службе Галявин совершенно не способен к розыску из-за деликатного и застенчивого характера⁹⁷. Несмотря на это Галявин получил назначение во Владивосток, куда прибыл в июле 1913 г. На но-

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 12912. Л. 3.

⁹⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 316. Д. 51ч. 64. Л. 54 об.

вом месте он сумел преодолеть прежнюю застенчивость и уже в январе 1914 г. завербовал идейного марксиста и одного из наиболее заметных активистов Никифора Полуэктова⁹⁸.

Третьим важным лицом владивостокской охраны был чиновник для поручений коллежский регистратор Петр Шибков. Он начал свою службу околоточным в полиции, откуда перешел в Одесское охранное отделение. После служил канцелярским чиновником Самарского губернского жандармского управления, в 1908 г. стал чиновником для поручений и заведующим наружным наблюдением Читинского охранного отделения, откуда в 1912 г. был переведен на аналогичную должность во Владивосток⁹⁹.

Несмотря на, казалось бы, абсолютно неидеальные качества офицеров местного охранного отделения, в 1913–1914 гг. им удалось поставить службу во вверенном отделении таким образом, что когда В.Ф. Джунковский начал ликвидацию охранных отделений, Владивостокское было сохранено. При этом можно уверенно предположить, что качество работы владивостокской охраны обеспечивалось в том числе наличием в ее рядах опытных сотрудников, имевших опыт службы в политическом сыске именно на Дальнем Востоке и знакомых со спецификой местности. К таковым можно отнести начальника отделения ротмистра Евгения Лалевича и чиновника для поручений отделения коллежского регистратора Петра Шибкова. Усиливший их на должности помощника начальника отделения ротмистр Николай Галявин поначалу не имел достаточного опыта службы в политическом розыске и, скорее, имел отрицательные характеристики, но сумел быстро преодолеть себя и начать вести эффективную работу в новых условиях.

Впоследствии из-за своей болезни Евгений Лалевич в мае 1914 г. ушел в годичный отпуск для лечения, откуда в мае 1915 г. вышел сразу на пенсию в звании подполковника и поселился в Петрограде. Летом 1914 г. его сменил бывший начальник Ярославского и Томского охранных отделений ротмистр Гинсбург, служивший в предшествующие годы начальником Центрального филерского отряда Санкт-Петербургского охранного отделения. Дальнейшая судьба Лалевича пока неизвестна. Его помощнику повезло меньше. В годы Первой мировой войны ротмистр Галявин был переведен на службу в военную разведку, а в годы Гражданской войны служил в колчаковской армии в антипартизанском конно-егерском полку полковника Враштиля начальником контрразведки и вместе с дру-

⁹⁸ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 824. Л. 3а.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 50ч. 64 т. 1 (1915). Л. 11 об.

гими офицерами полка был убит красными партизанами на реке Хор в 1920 г. Петр Шибков служил во Владивостокском охранном отделении до его ликвидации в феврале 1917 г., и дальнейшая его судьба неизвестна.

К 1913 г. волна революционных выступлений окончательно спала и казалась событиями далекого прошлого. Несмотря на регулярные сообщения Департамента полиции, отдельных ГЖУ и охранных отделений, у руководства МВД сложилось впечатление, что основная угроза прошла, а оставшаяся после нее система охранных отделений неэффективна, громоздка и часто провоцирует скандалы¹⁰⁰. Были сохранены лишь те охранные отделения, которые, как казалось, были незаменимы из-за своего особого статуса. Опыт Владивостокского охранного отделения показывает, что на первый взгляд точка зрения Джунковского могла показаться верной. Действительно, за период с марта 1913 г. по июль 1914 г. охранкой во Владивостоке не было произведено массовых арестов, не были ликвидированы разветвленные и тайные террористические группы и политические заговоры. Но произошло это не по причине того, что их в принципе не могло существовать, а потому, что постоянная кропотливая работа охранного отделения, заключающаяся в перманентном надзоре за отдельными группами и лицами, делала невозможной сколь-либо серьезную антиправительственную деятельность. Она могла казаться несущественной, но наглядно демонстрировала высокий уровень развития политического розыска Российской империи. Владивостокский опыт обнажил и насущные проблемы сыска: нехватку людей для освещения всех направлений розыскной работы, а также необходимость лавировать между реформаторским пылом командира ОКЖ и розыскными требованиями Департамента полиции. При этом жандармское начальство пребывало в уверенности, что работа по политическому розыску и надзору ведется недостаточно хорошо и требует постоянного усиления и совершенствования. Несмотря на это, система продолжала работать, может быть, вопреки, а может, и благодаря недостаткам офицеров, в ней служивших.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

¹⁰⁰ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 303.

Список литературы / References

1. Агапов В.А., Дударёнок С.М. Записка начальника владивостокского охранного отделения. Документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. 1913 г. *Исторический архив*. 2016;(1):152–164.
Agapov V.A., Dudarenok S.M. Note of the head of the Vladivostok security department. Documents of the Russian State Historical Archive of the Far East, 1913. *Historical Archive*. 2016;(1):152–164 (in Russ.).
2. Адресная книга ЦК РСДРП (1912–1914 гг.). *Исторический архив*. 1959;(1):11–36.
Address book of the Central Committee of the RSDLP (1912–1914). *Historical Archive*. 1959;(1):11–36 (in Russ.).
3. Джунковский В.Ф. *Воспоминания*. М.: Издво им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 688 с.
Dzhunkovskii V.F. *Memoirs*. Moscow: Publishing house named after the Sabashnikov brothers, 1997. Vol. 1. 736 p.; Vol. 2. 688 p. (in Russ.).
4. Ерошкин Н.П. *История государственных учреждений дореволюционной России*. М.: Издво РГГУ, 2008. 672 с.
Eroshkin N.P. *History of state institutions of pre-revolutionary Russia*. Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2008. 672 p. (in Russ.).
5. Иванов А.А., Кузнецов С.И. Документы ГАИО о создании в начале XX в. в Китае и Японии центров поддержки русского революционного движения. *Вестник БНЦ СО РАН*. 2021;(4):100–106.
Ivanov A.A., Kuznetsov S.I. Documents of the State Archive of the Irkutsk Region on the establishment of centers for supporting the Russian revolutionary movement in China and Japan in the early 20th century. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(4):100–106 (in Russ.).
6. Курлов П.Г. *Гибель императорской России*. М.: Современник, 1992. 255 с.
Kurlov P.G. *The death of Imperial Russia*. Moscow: Sovremennik, 1992. 255 p. (in Russ.).
7. Перегудова З.И. *Политический сыск России (1880–1917)*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 519 с.

- Peregudova Z.I. *Political Surveillance in Russia (1880–1917)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013. 519 p. (in Russ.).
8. *Политическая полиция России между реформами*. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского: Сб. Документов / Вступ. ст., сост. и комм.: Е.И. Щербакова. М.; СПб.: АИРОХХІ; Алетея, 2021. 352 с.
Political police of Russia between reforms. From V.K. Plevé to V.F. Dz̑unkovskii: Collection of documents / Introd. art., comp. and comm. by E.I. Shcherbakova. Moscow; St. Petersburg: AIROXXI; Aleteya, 2021. 352 p. (in Russ.).
9. *Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 13 октября 1911 г.* СПб.: Тип. штаба Отдельного корпуса жандармов, 1911. 784 с.
List of the general staff of the Separate Corps of Gendarmes, corrected to October 13, 1911. St. Petersburg: Printing house of the headquarters of the Separate Corps of Gendarmes, 1911. 784 p. (in Russ.).
10. Хутарев-Гарнишевский В.В. *Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской Империи, 1913–1917 гг.* М.: Издво Института Гайдара, 2020. 648 с.
Khutarev-Garnishevskii V.V. *Confrontation. Special services, army and government on the eve of the fall of the Russian Empire, 1913–1917*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2020. 648 p. (in Russ.).

Азаревич Василий Кириллович
Vasily K. Azarevich

независимый исследователь,
SPIN-код: 8816-4463,
ORCID: 0009-0002-5651-5161

independent researcher,
SPIN-code: 8816-4463,
ORCID: 0009-0002-5651-5161

Поступила в редакцию /
Received
02.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
02.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
04.05.2026